

Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации*

И.А. Юрасов^а, В.А. Юдина^б, Е.В. Кузнецова^с

^а Финансовый университет, Пензенский филиал, Пензенский государственный университет, Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия;

^{б,с} Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

АННОТАЦИЯ

Стратификационная трансформация российского общества, на которую влияют специфические социально-экономические процессы социальной и экономической архизации, выражающиеся в развитии капиталистических отношений в нетипичных сферах и формах социальных практик, формирует новые специфические модели общественного устройства. Российское общество стратифицируется по архаичным сословным моделям, трансформируя прежнюю классовую социальную структуру в сословную. Новым российским сословиям свойственна внутренняя неоднородность, которая выражается в квазисоциализации и квазиинституционализации. Внутри каждого российского сословия формируется своя элита, свой немногочисленный средний класс и многочисленная группа теневого занятого и самозанятого, подверженная процессам маргинализации и прекаризации. Теневое предпринимательство внутри маргинализированных нижних слоев каждого сословия становится фактором широкого развития прекарных социально-трудовых отношений во всех сферах российской жизни, которые псевдоинституционализируют архаичные социально-экономические практики, которые приводят к деградации всей социальной структуры российского общества. **Ключевые слова:** стратификация; социальная трансформация; сословный характер стратификации; архизация; феодализация; квазисоциализация; квазиинституционализация; маргинальные социальные слои; прекариат

Для цитирования: Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Стратификационная трансформация российского общества: новые сословные модели стратификации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):50-56. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-50-56

ORIGINAL PAPER

Stratification Transformation of Russian Society: New Estate Models of Stratification**

I.A. Yurasov^a, V.A. Yudina^b, E.V. Kuznetsova^c

^a Financial University, Penza branch, Department of Public Administration and Sociology of the Region, Analytical Centre for Applied Research of the Institute of regional development of the Penza region, Penza, Russia;

^{б,с} Financial University, Penza branch, Penza, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-9835-9430>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

ABSTRACT

The stratification transformation of Russian society, which is influenced by the specific socio-economic processes of social and economic archaization, expresses itself in the development of capitalist relations in atypical areas and forms of social practices. It leads to the feudalisation of many forms of socio-economic life and forms new specific models of social structure. According to archaic class models, the Russian society is stratified, transforming the former class social structure into an estate one. The new Russian classes are characterised by internal heterogeneity, and both are expressed in quasi-socialisation and quasi-institutionalisation. Within each Russian class emerges its own elite, its own small middle class and a large group, shadow workers and self-employed. All of them are subject to processes of marginalisation and precarization.

* Публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-00310 на тему «Самозанятые работники физического и умственного труда России: исследование новейших тенденций социальной стратификации, социокультурный анализ жизненных стратегий прекариата».

** The publication was prepared based on the research results within the framework of the RFBR-supported scientific project No. 20-011-00310 on the topic "Self-employed workers of physical and mental labour in Russia: a study of the latest trends in social stratification, socio-cultural analysis of life strategies of the precariat".

Shadow entrepreneurship within the marginalised lower strata of each class becomes a factor in the overall development of excellent social and labour relations in all areas of Russian life. These processes pseudo-institutionalise archaic socio-economic practices that degrade the entire social structure of Russian society.

Keywords: stratification; social transformation; stratification of class character; archaization; feudalization; quasi-socialization; quasi-institutionalization; marginal social strata; precariate

For citation: Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. Stratification transformation of Russian society: New estate models of stratification. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):50-56. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-5-50-56

ВВЕДЕНИЕ

Социальная структура современных обществ во всем мире характеризуется сложной, непредсказуемой динамикой, которая влияет на стратификационные процессы, состояние экономики, динамику развития гражданского общества. Большинство мировых и отечественных исследователей едины в мысли, что в социальной структуре и общественной динамике в XXI в. происходят глубокие трансформационные процессы, меняющие сущностную социальную основу многих общественных групп в большинстве стран.

На положение всех социальных групп и социальных страт — от элиты до низших слоев общества — влияют мировые социально-экономические и социально-политические процессы, такие как: отказ большинства экономически развитых стран (так называемого «золотого миллиарда») от модели социального государства, слом устоявшихся систем медицинского и пенсионного обеспечения, трансформация структуры мирового рынка труда, рост социальной незащищенности, неформальной и теневой занятости, глобальные тенденции к прекаризации во всем мире, которая характеризуется увеличением теневых, неформальных, нерегулярных форм занятости, дискретными, непостоянными связями с официальным рынком труда, приводящими к чередованию этапов крайне напряженной работы, граничащей с самоэксплуатацией, с периодами безработицы и безденежья.

Рыночные реформы, начатые в 90-е гг. XX в., кардинальным образом изменили социальную структуру российского общества. Масштабной социальной трансформации подверглись базовые социальные институты, все без исключения социальные группы. В это время в Российской Федерации появились новые страты. В середине 90-х гг. XX в. стало ясно, что реформы не всегда идут так, как необходимо нашему обществу, и ведущие обществоведы стали задумываться о корректировке проводимых реформ.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования проводились в 2014–2021 гг. в Пензе, Саранске, Ульяновске, Тольятти, Сочи, Москве,

Калининграде, Оренбурге. Методы исследования: анализ научных публикаций, экспертный опрос ($n = 23$), включенное наблюдение, массовый опрос ($n = 483$). Выборка квотная. Возраст — от 28 до 82 лет. О репрезентативности выборки свидетельствует структура выборочной совокупности. Эти методы исследования дали многочисленные результаты, доказывающие развитие сословности среди работников умственного и физического труда, и выявили социально-экономическую дифференциацию внутри страт-сословий среди медиков, ученых, учителей, преподавателей, рабочих.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Выявляя причины и основы социальных трансформаций внутри современного российского общества, следует в первую очередь остановиться на теоретико-методологических предпосылках анализа стратификационных трансформаций, а именно на анализе классовых различий в социуме. Появление термина «классы» связано с марксистской методологией и распространением марксизма в XIX в. Такие работы К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Немецкая идеология», «Манифест коммунистической партии», «Капитал» дают развернутую трактовку идеи классового расслоения, где ведущее место принадлежит рабочему классу [1].

По определению В.И. Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают» [2].

В середине 60-х гг. XX в. в советской социологии меняется акцент в отношении классовой стратификации. Ряд исследователей, таких как А.Г. Здравомыслов, В.О. Рукавишников, М.Н. Руткевич, О.И. Шкаратан, Ф.Р. Филиппов, В.А. Ядов и др., рассматривая изменения в социальной структуре

советского общества, пришли к выводу о сложности и неоднородности элементов социальной структуры СССР, включая внутреннюю неоднородность группы рабочих. В исследованиях, посвященных рабочему классу, говорилось об образовании различных слоев внутри рабочего класса, что было подкреплено конкретными социологическими исследованиями [3–7].

Официально до 1990 г. все советские граждане относились к рабочему классу, крестьянству и интеллигенции. Эта традиция берет начало с заявления И.В. Сталина в 1936 г. [8, 9]. Но она имела мало общего с реальной стратификацией советского общества и отражала ее лишь в общих чертах, и чем дальше шло развитие социалистического общества, тем более явным было несоответствие формулы реалиям, что отмечали ведущие социологи.

По мнению О.А. Кармадонова, социальная стратификация в современной России обладает статусной консистентностью лишь на верхних этажах — внутри элит и субэлит, — в то время как остальные слои общества (за исключением люмпенов) представляют собой некую смесь из статусных позиций. Так, например, учителя, обладая высоким образовательным уровнем, не могут похвастаться соответствующим имущественным, а следовательно, и символическим положениям [10].

Таким образом, уже сама эволюция теоретико-методологических подходов позволяет сделать вывод о том, что стратификационное деление населения советской и современной России за последние время претерпевало серьезные изменения. Новые подходы к социальным стратам делают неактуальными марксистские теории и выявляют факт мифологизации реального состояния советского и российского общества.

Структурные социальные изменения, потребительское поведение глобальных национальных и региональных элит привели к изменениям в социальных структурах многих стран, которые выразились в массовых процессах деградации, маргинализации и прекаризации.

Либеральные и либертарианские рыночные реформы в России и во всем мире, псевдонаучные, идеологически ангажированные социально-экономические теории, предполагавшие тотальную деиндустриализацию Российской Федерации, привели к существенному снижению количества рабочих, занятых в промышленности, изменили мотивацию к труду, трансформировали стратегии выживания и саму страту рабочих и стали причинами глубоких маргинализационных процессов в большинстве социальных страт российского общества. Эти про-

цессы привели к укоренению сословной структуры российского общества, к появлению прекариата, к трансформациям традиционных социально-профессиональных групп, к появлению страт в форме сословий ученых-предпринимателей, преподавателей-предпринимателей, медиков, юристов, консультантов-предпринимателей.

Основная методологическая ошибка в анализе проблем стратификации, социальных трансформаций, связанных с современным рынком труда в России и мире, заключается, по мнению авторов, в самом использовании терминов «класс», «страта», «социальный кластер», что не может точно отразить всю специфику общественных изменений в мире. Используя работы В.Л. Маркова, С.Г. Кордонского, О.Э. Бессоновой и В.Т. Третьякова о сословном характере социальной структуры современного российского общества, попытаемся представить российское общество как совокупность социальных сословий [11–14].

Основу теории сословности составляет точка зрения А.П. Прохорова о стабильных и нестабильных фазах экономического развития России. В своей позиции он опирается на фазы Н.Д. Кондратьева. Замеченная А.П. Прохоровым смена стабильных и нестабильных фаз регулярно происходит в нашей стране. В стабильной фазе основу социальной системы России составляют сословия [15]. При этом государственные функции сословий в России не отделены от экономических.

Исходя из сословных признаков, обозначенных Б.Н. Мироновым [16], можно выделить в советском обществе пять групп сословного типа: номенклатура; рабочие как квазипривилегированное сословие; специалисты и служащие; крестьянство; маргинальные группы.

Анализ вторичной социально-политической и социально-экономической научной информации, контент-анализ СМИ однозначно доказали наличие пяти из шести признаков сословного устройства советского общества в 30–80 гг. XX в. Однозначно все вышеперечисленные сословия обладали специфическим сознанием и внешними признаками сословной принадлежности, которые особенно ярко выразились в жизни и быту партийно-хозяйственной номенклатуры, маргинальных групп и крестьянства.

Социальные признаки наследственности и безусловности права присутствовали у всех сословий времен СССР и продолжают активно функционировать в современной России, когда не только заводы, фабрики, фирмы, рестораны и церковные приходы передаются по наследству по семейной линии, но

объектами наследственного права также становятся вузовские кафедры, научные секторы и отделы. Таким образом в обществе ограничивается социальная мобильность и блокируются социальные лифты, что приводит к росту теневых форм занятости в экономике. Остальные сословные признаки, такие как сословные организации, — несколько формальные, но, безусловно, ярко выражены неформально. Неформальное сословное самоуправление (в науке, образовании, транспортной, строительной сферах, в сферах красоты, фитнеса, физической культуры) и сословное сознание, сословный менталитет были представлены в социальной системе СССР и остаются в социальной системе современной Российской Федерации. В эпоху нестабильных 90-х гг. XX в. сословная советская структура была сильно деформирована. Начали проявляться признаки классовой структуры: формирование основ рыночной экономики, общества потребления, правового государства; появление «новых» богатых и бедных; модернизированная неустойчивая социальная структура; труд как источник заработка.

Но подобная вестернизированная социальная структура никак не вписывалась в рамки традиционного русского менталитета, привычной социальной системы и модели управления.

На современном этапе развития российской экономики (стабильном) развитие классовой структуры стало тормозиться, и снова возник крен в сторону сословного общества. В.Т. Третьяков, известный российский политолог, журналист и общественный деятель, видит в российском обществе следующие сословия:

- крестьянское (сельхозпроизводители);
- рабочее (наемные работники сферы материального производства);
- врачебно-медицинское;
- учительско-преподавательское;
- научное (те, кто изучает гуманитарные и естественные науки);
- информационное (но не журналистское, у которого и так есть «трибуна»);
- духовное (от традиционных религий);
- военное;
- управленческое (политическое);
- частнособственническое (владельческое);
- женское;
- опекаемых и поднадзорных (дети-сироты, старики, инвалиды, бездомные, заключенные) [14].

Основные признаки современного сословного российского общества:

- труд как служение;

- вознаграждение за труд (не заработная плата, а жалование, «получка», сословная рента);
- традиционное и неформальное неравенство сословий перед законом;
- распределительная экономика;
- богатство и бедность по сословному статусу (стремление к богатству, не соответствующему сословному статусу, — аморально, публичная демонстрация богатства — аморальна);
- коррупция (форма сословной ренты);
- привилегированность сословия зависит от важности задач, решаемых сословием [7, 11, 12, 14, 16].

ТЕНДЕНЦИИ

Согласно этой парадигме российские ученые, медики, преподаватели, учителя, блогеры (информационное сословие), занятые активно в теневой экономике, представляют собой специфическое социальное образование — социальную страту, имеющую признаки сословия и класса. Важным экономическим критерием сословности является наличие своих «богатых» и «бедных» внутри каждой сословной касты: ректор крупного вуза, директор отраслевого института РАН, квалифицированный строитель, шеф-повар, кондитер — как верхушка («новая» верхняя социальная страта) и ассистент, старший преподаватель, обычный повар — как элементы низшей социальной страты общества. По данным первичных и вторичных социологических исследований внутри социальной группы, занятой как умственным так и физическим трудом, существуют свои богатые и бедные. Верхний уровень дохода высококвалифицированных рабочих, ученых, преподавателей, тренеров может быть от 250 тыс. до 1,5 млн руб. в месяц (данные на февраль 2020 г.). В то время как уровень дохода средней по уровню материального достатка страты может составлять от 35 до 50 тыс. руб. Бедные едва достигают уровня от 15 до 35 тыс. руб. в месяц.

Экономический и промышленный спад 90-х гг. XX в., разрушение традиционных производств и производственных отраслей, непродуманные шоковые реформы привели к существенным деформациям в социальной структуре российского общества. Основные деформационные процессы можно определить как:

- сокращение численности людей, занятых физическим трудом в промышленном и сельскохозяйственном производстве;
- увеличение форм теневой, неформальной занятости во всех сферах российской экономики;

- трансформация классовой социальной структуры в сословную;
- отсутствие внятной промышленной, экономической, научной политики и, как следствие, — важных социальных задач, стоящих перед научным, ученым, рабочим и другими сословиями;
- возникновение специфичных сословий: рабочих, ученых, врачей, юристов, экономистов, преподавателей-предпринимателей;
- социальная, экономическая, политическая не востребоважность старых традиционных социально-профессиональных групп, как следствие, специфического потребительского поведения российской элиты;
- непрестижность традиционных рабочих и интеллигентских профессий и, как следствие, снижение значимости самого сословия и задач, стоящих перед ним, и одновременно повышение престижа рабочих-ученых, врачей, педагогов-предпринимателей;
- социально-экономическая дифференциация внутри традиционных сословий, вычленение «новых богатых», «новой элиты» и «новых бедных» внутри каждого сословия;
- появление «новых богатых», «новой элиты» внутри врачебно-медицинского, научного, учительско-преподавательского сословия как следствие теневой занятости;
- «новые богатые» внутри врачебно-медицинского, научного, учительско-преподавательского сословий характеризуются высоким уровнем социальной мобильности, самоорганизации, сословной гордостью, высокой квалификацией, высоким уровнем дохода и предпринимательской мотивацией;
- специфическая сословная вертикальная мобильность за счет использования теневых неформальных форм занятости и за счет обслуживания потребностей российской элиты.

Сословный характер стратификационных процессов, формирование новых сословий — ученых-предпринимателей, врачей-предпринимателей, рабочих-предпринимателей, преподавателей-предпринимателей и т.п., смешение старых и новых сословий, распространение предпринимательских компетенций и мотиваций на несвойственные им общественные группы — все это размывает границы традиционных социально-профессиональных групп, создает новые социальные образования (функционирование которых в настоящее время активно представлено в теневых секторах российской и мировой экономики), квазисословия, ква-

зисоциально-профессиональные группы, которые подвергаются специфическому процессу псевдоинституционализации.

В процессе обычной институционализации любые социальные отношения обретают форму с установленными сводами правил, законов и санкций. Такая форма называется «социальный институт», а все правила и нормы могут быть оформлены как в письменном, так и в устном виде. А в процессе псевдоинституционализации, особенно в теневой трудовой занятости, многие неформальные социальные отношения приобретают форму законов, правил в «социально-параллельном» мире, закрепляются устно, почти так, как это происходит с уголовными понятиями в криминальном сообществе. Псевдоинституционализация является устной формой закрепления теневых, скрытых общественных практик в виде неформальных институтов.

Социальные установки, нормы, правила поведения, проходя через различного рода криминальные или полулегальные теневые практики, становятся неписанными законами, нарушать которые категорически запрещено людям определенных социальных групп: новых страт, совмещающих умственный и физический труд с предпринимательством, и формаций (например, сообщества репетиторов, теневиков, уголовников).

Так же происходит и с правилами поведения и нормами взаимоотношений на теневом рынке академического предпринимательства, медицинских, образовательных, строительных, транспортных и других услуг. Информация о разных группах людей, коллективах или отдельных специалистах, оказывающих теневые услуги на неформальном рынке труда, распространяется только по устным законспирированным каналам, закрытым телеграмм-каналам. Настоящие специалисты, как правило, клиентов сами не ищут. Они известны в академической, рабочей, медицинской и преподавательской среде, в которой существует особая этика поведения. Условия их работы можно охарактеризовать так: 30% — предплата за труд или оплата по факту выполнения работы с поручительством хороших знакомых, коллег; высокий уровень доверия друг к другу; табу на распространение определенного типа информации, запрет на продажу товаров и услуг с заведомо известным плохим качеством и т.п.

Неформальная самозанятость, связанная с теневым предпринимательством, не только является источником новых социальных трансформаций, причиной развития новых социальных страт, но и формирует новый тип социальной солидарности

в Российской Федерации. Кризис солидарности в современной российской реальности объясняется распространением ее не на все общество, а только на определенные социальные страты, особенно связанные с теневой экономикой, с теневой предпринимательской деятельностью. Солидарность усиливается там, где высокий уровень взаимопомощи и доверия между людьми, именно это наблюдается в закрытых теневых профессиональных группах. Современное чувство солидарности в экономике самозанятых, семантизируемое ре-

спондентами, определяется как социальное чувство «быть вместе», «чувствовать вместе», «действовать вместе», благодаря которому коллектив и формы коллективной работы трактуются как важная социальная ценность.

Таким образом, основная специфика социальной трансформации современной России состоит в отмирании старых традиционных социальных страт, в формировании архаичной социальной структуры общества, социально-профессиональных сословий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Немецкая идеология: Сочинения М.: Госполитиздат; 1954.
2. Ленин В.И. Великий почин. М.: Госполитиздат; 1970.
3. Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика М.: Наука; 2008. 382 с.
4. Руткевич Н.М. Социальная структура. М.: Альфа-М; 2004. 272 с.
5. Шкаратан О.И. Социально-профессиональная структура населения России. Теоретические предпосылки, методы и некоторые результаты повторных опросов 1994, 2002, 2006 гг. *Мир России*. 2007; XVI(3):42–67.
6. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики; 2012. 526 с.
7. Филиппов А.Ф. Мобильность и солидарность. *Социологические обозрение*. 2011;10(3):4–20.
8. Самыгин С.И. Рыночные отношения и рабочий класс (сравнительный анализ российского и болгарского опыта многоукладного развития). Дис. ... д-ра социол. наук. СПб.; 1992. 419 с.
9. Смоленская С.В. Проблемы и перспективы развития рынка труда в Российской Федерации. *Вестник Ул ГТУ*. 2018;(4):56–59.
10. Кармадонов О.А. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та; 2009. 175 с.
11. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори; 2001. 176 с.
12. Кордонский С.Г. Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования. *Мир России*. 2012;21(2):62–102.
13. Крухмалев А.Е. Социальная структура развитого социалистического общества. М.: Знание; 1975. 212 с.
14. Третьяков В.Т. Партийность или сословность. Известия. 26 ноября 2009 г.
15. Прохоров А.А. Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт»; 2002.
16. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства URL: <http://bmironov.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>.

REFERENCES

1. Marx K. German ideology. Works. Moscow: Gospolitizdat; 1954. (In Russ.).
2. Lenin V.I. A Great Beginning. Moscow: Gospolitizdat; 1970. (In Russ.).
3. Zdravomyslov A.G. Sociology: theory, history, practice. Moscow: Nauka; 2008. 382 p. (In Russ.).
4. Rutkevich N.M. Social structure. Moscow: Alpha-M; 2004. 272 p. (In Russ.).
5. Shkaratan O.I. The social and professional structure of the population of Russia. Theoretical premises, methods, and some results of repeated surveys in 1994, 2002, 2006. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2007; XVI(3):42–67. (In Russ.).
6. Shkaratan O.I. Sociology of inequality. Theory and reality. Moscow: Higher School of Economics; 2012. 526 p. (In Russ.).
7. Filippov A.F. Mobility and solidarity. *Sotsiologicheskiye obozreniye = Sociological Review*. 2011;10(3):4–20. (In Russ.).
8. Samygin S.I. Market relations and the working class (comparative analysis of the Russian and Bulgarian experience of multi-structured development). Dis. ... Dr of sociology. St. Petersburg; 1992. 419 p. (In Russ.).
9. Smolenskaya S.V. Problems and prospects for the development of the labour market in the Russian Federation. *Vestnik Ul GTU = Vestnik Ul GTU*. 2018;(4):56–59. (In Russ.).

10. Karmadonov O.A. Transformation and adaptation: strategies for survival in a crisis society. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk State University; 2009. 175 p. (In Russ.).
11. Kordonsky S.G. Activity cycles and ideal objects. Moscow: Pantori; 2001. 176 p. (In Russ.).
12. Kordonsky S.G. Estate components of the social structure of Russia: hypothetical-deductive analysis and an attempt at modelling. *Mir Rossii = The world of Russia*. 2012;21(2):62–102. (In Russ.).
13. Krukhmalev A.E. The social structure of a developed socialist society. Moscow: Znanie; 1975. 212 p. (In Russ.).
14. Tretyakov V.T. Party or social class. *Novosti = News*. November 26, 2009. (In Russ.).
15. Prokhorov A.A. Russian model of management. Moscow: ZAO "Expert Journal"; 2002. (In Russ.).
16. Mironov B.N. Social history of Russia during the period of the empire (XVIII — early XX centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society, and the rule of law. URL: <http://bmironov.spb.ru/book.php?mn=6&lm=1&lc=nn>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал; профессор кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет; директор аналитического центра прикладных исследований, Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия

jurassow@yandex.ru

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

vayudina@fa.ru

Елена Викторовна Кузнецова — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук, Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

elena_myskina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Yurasov — Dr Sci (Sociology), Associate Professor, Professor of the Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch; Professor of the Department of Public Administration and Sociology of the Region; Director of the Analytical Centre for Applied Research of the Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russia

jurassow@yandex.ru

Vera A. Yudina — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

vayudina@fa.ru

Elena V. Kuznetsova — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

elena_myskina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Юрасов — разработка общей концепции статьи.

В.А. Юдина — теоретико-методологическое обоснование.

Е.В. Кузнецова — анализ социологических данных.

Declared authors' contribution:

I.A. Yurasov — development of a general concept.

V.A. Yudina — theoretical and methodological substantiation.

E.V. Kuznetsova — analysis of sociological data.

Статья поступила 30.05.2021; принята к публикации 15.08.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 30.05.2021; accepted for publication on 15.08.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.